

НАРОДНЫЯ ИЗДАНИЯ.

Издания „Посредника“ и Сытина и К°.

Издания „Посредника“. Наединѣ. Сборникъ. Ц. 70 к.—Красавица. Разск. Коломбо. Ц. 35 к.—Сократъ и его время. В. Синоvsкаго. Ц. 35 к.—Тѣни. Короленко. Ц. 35 к.—Бабы. Разск. А. Чехова. Ц. 1½ к.—Подъ великій праздникъ. Разск. С. Семенова. Ц. 1½ к.—Пустоплясы. Святочн. разск. Лѣскова. Ц. 1½ к.—Малымъ ребятамъ. Книжка III. Ц. 1½ к.—Какъ развести плодовый садъ. Сост. Г. М—довъ. Ц. 8 к.—Какъ ухаживать за огородомъ. Сост. И. Елинъ. Ц. 3 к.—Издание И. Сытина и К°. Русскій сельскій календарь на 1894 г. Ц. 20 к. Вскорѣ исполнится десять лѣтъ, какъ „Посредникъ“ началъ свою издательскую дѣятельность. За это время онъ издалъ и съумѣлъ распространить среди народа свыше полутора ста названій книгъ самаго разнообразнаго содержанія, и беллетристическаго, и назидательнаго, и научно-прикладнаго. Кромѣ книжекъ „Посредникъ“ издавалъ особые листки-картины. За всѣ эти десять лѣтъ онъ работалъ съ энергіей не только ослабѣвающей, но, напротивъ, непрерывно и постепенно расширялъ свою дѣятельность. Въ прошломъ году стали впервые появляться издания „Посредника“ „для интеллигентныхъ читателей“,—такъ гласить надпись на обложкѣ,—надпись, кстати сказать, несовсѣмъ удачная, потому что даетъ поводъ думать, что всѣхъ читателей своихъ народныхъ изданій „Посредникъ“ какъ будто признаетъ не интеллигентными. Дѣятельность „Посредника“ тѣснѣйшимъ образомъ связана съ исторіей нашей литературы для народа. Къ несомнѣннымъ заслугамъ этой фирмы нужно отнести тогъ сильный толчокъ, который она дала развитію народныхъ изданій, введя въ коробъ офени неискаженные произведенія нашихъ лучшихъ авторовъ, указавши такимъ способомъ пути для распространенія ихъ въ народѣ, въ темныхъ и полутемныхъ уголкахъ нашей Руси. При наличности тѣхъ условій, въ которыхъ „Посреднику“ приходилось и приходится работать, нужно имѣть очень и очень много энергіи, глубокой вѣры въ свое дѣло, горячей любви къ нему, чтобы не опуская рукъ, изъ года въ годъ, вести свою линію въ теченіе цѣлаго десятилѣтія. „Посредникъ“ избираетъ для своихъ изданій преимущественно произведенія нравственно-просвѣтительнаго содержанія, темы его изданій по беллетристикѣ замѣтно концентрируются на нѣсколькихъ особенно излюбленныхъ вопросахъ. Издания „Посредника“ призываютъ къ борьбѣ со зломъ, но прежде всего къ борьбѣ со зломъ *внутри* себя, и совершенно почти игнорируютъ зло, воплотившееся въ тѣхъ или иныхъ учрежденіяхъ. Въ этомъ состоитъ, по нашему мнѣнію, одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ почтенной фирмы. Существенное заблужденіе „Посредника“ заключается въ томъ, что онъ возлагаетъ чрезмѣрно большія надежды на проповѣдь личнаго совершенствованія и слишкомъ малыя на совершенствованія общественныхъ учреждений; „Посредникъ“ выводитъ второе исключительно лишь изъ перваго, а влияніе учреждений на нравственную сторону челоvѣка, положительное и отрицательное, какъ бы не хотеть и видѣть. Такое игнорированіе въ высшей степени важной стороны жизни нельзя не признать прискорбною односторонностью. Нравственный характеръ личностей не отдѣльныхъ индивидуумовъ, а массы, находится въ тѣсной зависимости отъ учреждений, среди которыхъ и подъ влияніемъ которыхъ ей приходится воспитываться отъ колыбельки и существовать

до могилки. Нельзя ожидать, что при существованіи дурныхъ учреждений проповѣдь личной морали подѣйствуетъ на массу въ должной степени и общее усовершенствованіе сможетъ сдѣлаться реальнымъ фактомъ и помимо учреждений. Нельзя не согласиться и съ тѣми, кто „Посреднику“ ставитъ въ вину усердную проповѣдь покаянія, смиренія и непротивленія, качества, которыя и безъ всякой проповѣди составляютъ старый — историческій недостатокъ и русскаго народа, и русскаго общества. Упрекають „Посредника“ не безъ основанія и за сладчайшее содержаніе нѣкоторыхъ его изданій, и за примѣсь мистическаго элемента, то расплывчато-туманнаго, то грубо-реальнаго, какъ, наприм., *Первый винокуръ*. Высоко цѣня заслуги „Посредника“, нельзя закрывать глаза и на недостатки его и нельзя не желать, чтобы ихъ совѣсьмъ не было.

Такова фizioномія „Посредника“. Посмотримъ теперь, каковы его послѣднія изданія, внушительная пачка которыхъ лежитъ въ настоящее время передъ нами. Такъ называемыя изданія „для интеллигентныхъ читателей“, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, тоже заслуживаютъ вниманія со стороны тѣхъ, кто интересуется книгами для народа. Мы уже имѣли случай объяснять нашимъ читателямъ, почему особая беллетристика для народа кажется намъ не болѣе какъ зловреднымъ миеомъ. Есть романы и повѣсти неинтересныя для народа, захватывающіе незнакомый ему кругъ жизни, обрисовывающіе неизвѣстныхъ ему людей, ихъ страсти и страстишки, ихъ внутренній, духовный строй; но одно дѣло повѣсти и романы неинтересныя для читателя изъ народа, а другое дѣло — повѣсти и романы непонятныя для него. Изъ числа изданій „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей, нѣкоторыя несомнѣнно должны быть отнесены къ первой категоріи („неинтересныхъ“), хотя не слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ забывать, что это понятіе интереснаго весьма относительно. Такъ, наприм., *Палата № 6* была прочтена фабричными съ большимъ интересомъ, а рассказъ *Именины* того же автора съ трудомъ находилъ себѣ читателей, послѣ того какъ первый, кто его взялъ, проскучалъ надъ нимъ. Во всякомъ случаѣ, область неинтереснаго для народа гораздо шире въ литературѣ „для чтенія публики“, чѣмъ область непонятнаго. Да и про эту послѣднюю область слѣдуетъ сказать, что по отношенію къ ней нужно говорить о „непониманіи“ народа очень и очень осторожно. Помнится намъ одинъ вечеръ, проведенный среди фабричныхъ, когда одинъ рабочій, несомнѣнно изъ начитанныхъ, рассказывалъ свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ чтенія *Дворянскаго тѣзда*. Никакъ бѣдняга читатель не могъ понять, каково-то живется крѣпостнымъ у этихъ благородныхъ людей, выказывающихъ такой подъемъ хорошихъ чувствъ. Другой фабричный пишетъ, что среди всѣхъ тургеневскихъ героев (онъ прочелъ 8 томовъ соч. Тургенева) ему больше всего понравился: Лежневъ, Бабуринъ, Базаровъ и Инсаровъ, а понравились они потому, что у нихъ были „твердыя правила“. Когда передъ этою аудиторіей былъ прочтенъ рассказъ П. Златовратскаго *Мечтатели*, такъ и герой изъ интеллигенціи, „размагнитившійся“ инженеръ-технологъ, и герои изъ народа — Липатычъ и его пріятель — прекрасно были поняты и еще прекраснѣе раскритикованы. Вообще рассказъ этотъ произвелъ фуроръ. Съ другой стороны, ужъ чего проще написаны *Бѣдныя люди* Достоевскаго, по плохо читается эта книжка среди читателей изъ народа, даже фабричныхъ. По имѣющимся у насъ даннымъ, нижеслѣдующія изданія „Посредника“ для интеллигентныхъ читателей нашли хорошій пріемъ и читались съ интересомъ среди фабричныхъ. Кромѣ *Палаты № 6*,

о которой мы уже упоминали, среди читателей этого типа найдешь очень хороший приемъ сборникъ произведений иностранныхъ авторовъ *Насдинъ*, въ который вошли такіе прекрасные рассказы, какъ *На привалѣ* Уйда, *Местъ* Г. де-Мопассана, *Слѣпой* Ж. Марэ и др. Сборникъ составленъ очень удачно и заслуживаетъ вниманія. Затѣмъ, отмѣтимъ рассказъ Чехова *Жена*, о которомъ былъ данъ отчетъ читателямъ *Русской Мысли* въ другомъ мѣстѣ, и рассказъ Коломбо *Красавица*. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что серія „для интеллигентныхъ читателей“ составляется очень не дурно и со вкусомъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ книжекъ вегетаріанскаго содержанія, которыя мы исключаемъ изъ нашего обозрѣнія, другія представляютъ въ огромномъ большинствѣ случаи отдѣльныя изданія романовъ, рассказовъ и повѣстей, первоначально появившихся въ толстыхъ журналахъ. Всѣ они изданы очень изящно и продаются по дешевой цѣнѣ. Къ этой же серіи принадлежитъ и заслуживаетъ большого вниманія книжка В. Синовскаго *Сократъ и его время* (изъ *Міра Божія* 1892 г.), къ которой приложена фантазія В. Короленко *Тѣни*. Книжка г. Синовскаго принадлежитъ къ числу очень немногихъ популярныхъ книжекъ по исторіи философіи, доступныхъ широкой публикѣ. Изложеніе ея живое, ясное и мѣстами даже увлекательное. Авторъ рисуетъ картину того вѣка, когда жилъ Сократъ, и излагаетъ сущность его философіи, удачно подбирая выписки изъ сочиненій Платона. Прежде чѣмъ перейти къ изданіямъ „Посредника“, предназначенныхъ для народа, отмѣтимъ довольно поучительное явленіе: въ то время, когда со стороны читателей изъ народа громче и громче раздаются голоса, требующіе не „листовокъ“, а „толстыхъ книгъ“ для чтенія, для читателей изъ „командующихъ классовъ“ начинаетъ издаваться все больше и больше книжекъ тонкихъ, тоже своего рода листовокъ, и иныхъ брошюръ немного потолще. Объясняется это явленіе, на нашъ взглядъ, тѣмъ, что границы между читателями изъ народа и читателями изъ командующихъ классовъ постепенно ступенчатся, нарастаетъ изъ народа читатель *средній* и, къ тому же, многочисленный, который и начинаетъ потреблять всякую дешевую литературу. И въ этомъ отношеніи предпріятіе „Посредника“ издавать дешевыя и хорошія книжки вышеозначенной серіи несомнѣнно заслуживаетъ вниманія и поощренія.

Переходимъ теперь къ изданіямъ для народа. Изъ нихъ слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ рассказъ Чехова *Бабы*, написанный на тему о женскомъ сердцѣ, въ которомъ такъ много мѣста находятъ и любовь, и жалость. Рассказъ ведется отъ лица пѣвчего Матвѣя Саввича, въ котораго влюбилась чужая жена въ отсутствіе мужа. Матвѣй, какъ степенный человѣкъ, услышавъ, что мужъ возвращается, рѣшилъ въ одинъ прекрасный день „покончить баловство“. Но „баба“ сдѣлать то же самое по собственному хотѣнію никакъ не могла. „Не слушаетъ баба, — рассказываетъ Матвѣй на постояломъ дворѣ, — уперлась на своемъ, хоть ты лопни! „Тебя люблю!“ — и больше ничего чистое не казанье!“

— Экая подлая! — замѣчаетъ Матвѣю одинъ изъ его слушателей, мужчина.

Приважаетъ мужъ бабы и на первыхъ же порахъ прощаетъ виновныхъ. Но „баба“ не унимается. Мужъ кажется ей „постылымъ“. Въ концѣ-концовъ, дѣло доходитъ до того, что мужъ начинаетъ свою бабу бить: „схватилъ возжи и давай возжами, а самъ какъ жеребецъ визжитъ: ги-ги-ги!“

— Взять возжи, да тебя-то такъ! — замѣчаетъ слушательница баба, — назвали нашу сестру проклятые. — Разсказъ кончается тѣмъ, что баба отравляетъ своего мужа мышьякомъ, сама попадаетъ въ острогъ, гдѣ и умираетъ. Матвѣй, какъ „благородный“ человѣкъ, беретъ ея сынишку на воспитаніе: „хоть и арестанское отродье, а все же живая душа, крещеная“ — и учить его колотушками, готова въ прикащики. Это онъ по-своему жалѣетъ живую душу. А бабы жалѣютъ ее по своему: „Сирота моя бѣдная, родной матери нѣтъ, и накормить его путемъ некому“.

Содержаніе разсказа Лѣскова *Пустоплясы* таково. Въ нѣкоей мѣстности случился неурожай; лишь одна деревня Пустоплясова въ той же мѣстности отъ неурожая не пострадала. Живутъ пустоплясы богато, а вокругъ нихъ, въ другихъ деревняхъ, мякиной и жмыхомъ давятся. Пустоплясы себя оправдываютъ: „вѣдь, мы не причинны въ томъ, что у другихъ голодно“. Весело они живутъ, хоть за порогомъ другіе бѣдствуютъ. Этимъ послѣднимъ пустоплясы корочки подаютъ. Но случается такъ, что Пустоплясово выгораетъ до тла, и его жители попадаютъ въ самое тяжелое положеніе. Таково содержаніе разсказа, которое, какъ видно, не замысловато. Но оно усложняется и запутывается многими подробностями. Наприм., въ концѣ разсказа является на сцену какое-то таинственное дитя, „божій посолъ“, пожаръ села является ниспосланнымъ свыше, и весь разсказъ принимаетъ мистическую окраску, которая несомнѣнно только портитъ его. Портитъ разсказъ и извѣстная слабость г. Лѣскова къ коверканью языка: къ чему, наприм., писать „вумстенность“, „почкешнѣ“ и т. п. Портятъ и длинныя назидательныя наставленія „вумстеннаго“ мужика — дѣда Оедоса... Разсказъ крестьянина-самоучки С. Т. Семенова хотя не блещетъ художественными достоинствами, но въ общемъ все же недуренъ: онъ лишний разъ иллюстрируетъ отношеніе сытыхъ къ голоднымъ. Мужикъ Ефремъ, въ минуту жизни трудную, подъ великій праздникъ, идетъ къ своему дядѣ, богачу-міроѣду Михѣю, просить о помощи. Тотъ гонитъ его въ шею. Съ горя Ефремъ идетъ въ кабакъ, гдѣ его подбиваютъ на дурное дѣло — совершить кражу со взломомъ у этого самаго Михѣя. Между тѣмъ, на душу Михѣя находитъ просвѣтлѣніе: онъ раскаивается и готовъ помочь племяннику, идетъ въ амбаръ и находитъ дверь туда взломанной, а вора запираетъ въ амбарѣ. Воромъ оказывается Ефремъ, который и кончаетъ жизнь немедленно самоубійствомъ. Раскаянніе Михѣя и его добрый порывъ пришли слишкомъ поздно: доброе дѣло не терпитъ отсрочки. Такова мораль этого безискусственного разсказа. Третья книжка *Малымъ ребятамъ*, вообще говоря, составлена недурно. Въ нее вошли хотя и общеизвѣстныя, но все же умѣло выбранныя разсказы и стихи для дѣтей. Неудаченъ только послѣдній разсказъ, гдѣ фигурируетъ, во-первыхъ, не ученая, но сердобольная собака, которая отдаетъ лакомый кусокъ другой, голодной собакѣ, и, во-вторыхъ, никто ипой какъ не сердобольный ученый, который не хочетъ подать гроша бѣдному нищему. Въ концѣ-концовъ, удивительная собака пристыжаетъ удивительнаго ученаго, а ученость осмѣяна въ концѣ.

Изъ изданій „Посредника“ по отдѣлу прикладныхъ знаній отмѣтимъ, прежде всего, книжку г. М — дова *Какъ развести плодовый садъ*. Эту книжку авторъ предназначаетъ въ помощь тѣмъ, „у кого найдется небольшой кусокъ годной земли и охота къ садоводству при отсутствіи большихъ средствъ и знаній“. Авторъ, очевидно, большой любитель садоводства, и даетъ самое краткое и довольно отчетливое описаніе